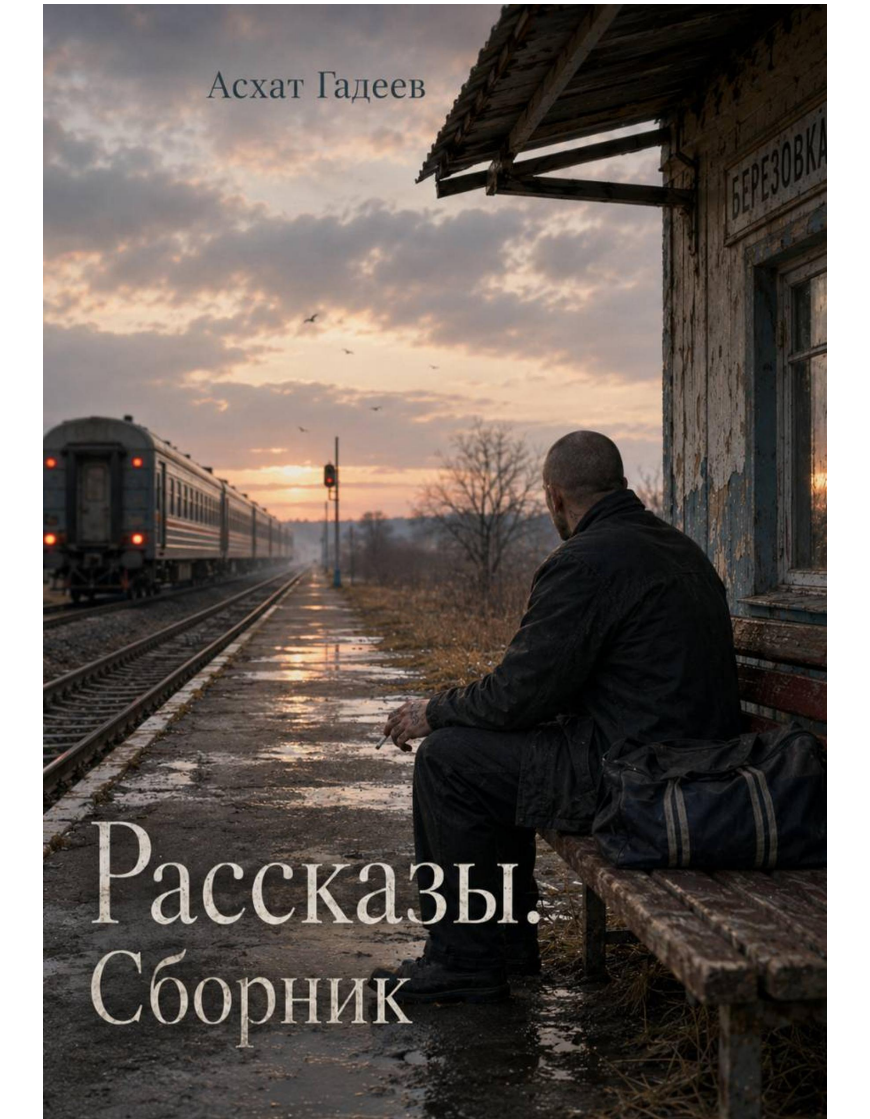

A man in a dark jacket sits on a wooden bench at a train station, looking out at a train approaching on the tracks. The scene is set at sunset, with a cloudy sky and wet ground reflecting the light. A sign on the station building reads "БЕРЕЗОВКА".

Асхат Гадеев

Рассказы. Сборник

Асхат Гадеев
Рассказы. Сборник
Серия «Рассказы», книга 1

<https://litres.ru/73460414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они живут рядом. В почтовых окошках, на паромках, на лавочках у подъездов. Бывший зек возвращается в жизнь, которая давно научилась обходиться без него. Кто-то пытается вырваться из привычного круга, кто-то цепляется за последнее, что ещё имеет смысл.

Герои этих рассказов — обычные люди русской глубинки. Они ошибаются, грубят, любят, завидуют, теряют и снова пытаются встать на ноги. Иногда смешные, иногда жалкие, иногда неожиданно сильные.

Простая человеческая проза о тех, кого легко не заметить. О выборе, одиночестве, надежде и той самой точке опоры, которую человек продолжает искать, даже когда кажется, что искать уже нечего.

Содержание

Почтальонша.	4
Сверкнула лентой.	13
Паромщик.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Асхат Гадеев

Рассказы. Сборник

Почтальонша.

Утро начинается с петухов.

Анна просыпается от собственного дыхания – тяжёлого, с присвистом. В комнате уже светло, занавеска колышется от сквозняка. Дом старый, родительский. Мать умерла пять лет назад, отец ещё раньше. Осталась одна в этом доме с большими окнами, скрипучим полом и печкой, которую она так и не научилась топить как следует.

Зеркало в прихожей она занавесила старым платком. Не смотрится в него по утрам.

На почту идти пешком через всё село. Пятнадцать минут не спеша. Лето, пыльно, пахнет нагретой травой и коровами. У крайнего дома сидит баба Нюра на лавочке, греет кости на солнце.

– Анюта! – кричит вслед. – Зайдёшь? Погоди, я тебе творожку вынесу!

– Вечером, баб Нюр, – отмахивается Анна. – После работы забегу.

Она знает, что не забежит. Творожок прокиснет, баба Нюра обидится, и завтра у окошка будет разговор про то, как

молодёжь совсем не та пошла, слова доброго не дождёшься. Но сегодня сил нет даже на творожок.

Почта – одноэтажное здание из силикатного кирпича, крашенного зелёной краской, которая облупилась ещё при прошлом президенте. Внутри пахнет бумагой, сургучом и пылью. Анна открывает дверь своим ключом, одевает старую потертую жилетку в подсобке. Жилетка трещит по швам, но она уже привыкла.

Окошко приёма выходит в небольшой зальчик с двумя стульями и столом, где пенсионеры заполняют квитанции. Анна садится на свой стул (стул старый, деревянный, не скрипит, слава богу), включает компьютер, раскладывает накладные. Рабочий день начинается.

Первый – дядя Коля Сорокин, шестьдесят восемь лет. Пришёл за пенсией, как всегда, к открытию. Анна помнит его молодым, с усами, каким он работал на ферме. Сейчас усы седые, руки трясутся. Он подаёт паспорт через окошко, долго копается в барсетке, ищет сберкнижку.

– Ты погоди, погоди, – бормочет он. – Куда ж она запропастилась?

Анна ждёт. Она знает, что книжка у него во внутреннем кармане пиджака, он всегда туда её кладёт. Но подсказывать нельзя – обидится.

– Нашёл, – дядя Коля выдыхает с облегчением. – Вот, Анюта, принимай.

Она принимает. Отсчитывает деньги – двенадцать тысяч

четыреста семьдесят рублей. Дядя Коля берёт их трясущимися руками, долго пересчитывает, шевелит губами. Теряет счёт, начинает сначала.

За его спиной уже стоит баба Рая.

– Колюня, ты долго ещё? – голос у бабы Раи скрипучий, как несмазанная телега. – Мне к фельдшеру надо, я по-быстрому.

Дядя Коля не слышит. Он считает.

Анна смотрит на его пальцы – кривые, в узлах, с тёмными пятнами. Эти пальцы когда-то держали вилы, доили коров, обнимали жену, которая умерла десять лет назад. Теперь они считают мятые тысячи, которые через неделю разойдутся по аптекам.

– Всё верно, – наконец говорит дядя Коля. – Спасибо, дочка.

Он уходит, шаркая валенками (хотя на дворе июнь, валенки он носит круглый год, потому что ноги болят). Баба Рая подходит к окошку.

– Здравствуй, Анечка. Ты мою квитанцию посмотри, я что-то запуталась.

Баба Рая – бывшая учительница математики. Анна помнит, как в третьем классе та вызывала её к доске, и она боялась таблицы умножения больше, чем самого страшного сна. Теперь баба Рая путается в показаниях счётчика и тычет пальцем в квитанцию, где всё написано крупными цифрами.

– Тут всё правильно, – говорит Анна. – Пятьсот восемь-

десять три рубля.

– Ой, а почему так много? В прошлом месяце пятьсот два было!

– Вода подорожала.

– Вода... – баба Рая вздыхает. – А мы в твоём возрасте из колонки носили, в вёдрах. И ничего, живые. А ты, Анечка, замуж-то не собираешься?

Анна натянуто улыбается.

– Некогда, баб Рай.

– Некогда, – передразнивает та. – А годы идут. Вон, Ленка Коршунова уже второго родила, а ты всё на почте сидишь.

Ленка Коршунова сидела с Анной за одной партой. Была худая, как щепка, и прыщавая. Аня тогда была покрупнее, но Ленка всё равно её дразнила. А теперь Ленка – стройная, с грудью, с мужем, с двумя детьми. Приходит иногда на почту за посылками, заказывает из интернета одежду и косметику. Смотрит на Анну сверху вниз, цедит «здрасьте» сквозь зубы и отворачивается.

– Заплатите пятьсот восемьдесят три, – говорит Анна бабе Рае, чтобы сменить тему.

Та лезет в кошелёк, долго копается в мелочи, достаёт мятую купюру, потом ещё одну, пересчитывает.

– На, держи.

Анна пробивает чек. Баба Рая уходит, но у двери оборачивается:

– Ты платок-то смени на окошке, выцвел совсем. Непоря-

док.

День тянется. Очередь то густеет, то редет. Приходит Сергеич – вечно пьяный, но сегодня трезвый, потому что пенсию ещё не получил. Пришёл пораньше, надеется, что Анна даст в долг. Она не даёт – нельзя, учёт. Он вздыхает, садится на стул и сидит просто так, потому что дома делать нечего.

Приходит тётя Тоня, соседка через два дома. Когда-то она нянчила Анну, таскала на руках, поила парным молоком. Сейчас тётя Тоня с трудом ходит, опирается на палку. У неё муж в прошлом году умер, и она с тех пор сдала.

– Анюта, – говорит она тихо. – Переведи мне на телефон, а? Я сама не умею, а внучка звонила, просила денег положить.

Анна переводит. Тётя Тоня смотрит на неё с благодарностью и с какой-то старческой жалостью.

– Худая ты, – говорит она. – Или не худая, а усталая. Ешь нормально?

– Нормально, тёть Тонь.

– Ну-ну.

Тётя Тоня уходит, оставляя после себя запах старости и валерьянки.

В обед – затишье. Анна достаёт из сумки контейнер с гречкой и котлетой. Ест прямо на рабочем месте, глядя в пустой зал. Котлета холодная, гречка сухая. Но готовить дома нормально – себе дороже, всё равно одна.

За окном проходит молодой мужик с коляской. Анна его знает – Серёга Гаврилов, на год младше. В школе она была в него влюблена, тайком, со второго по девятый класс. Писала ему записки, которые не отдавала, рисовала сердечки в тетрадке. Он на неё внимания не обращал, дружил с тоненькими, с велосипедистками с косичками.

Теперь Серёга идёт с коляской. В коляске младший. Старший бежит рядом, лет пяти. Сам Серёга в шортах и футболке, загорелый, улыбается чему-то. За ним идёт жена, та самая Ленка Коршунова. Она что-то говорит ему, он оборачивается, смеётся.

Анна смотрит на них сквозь мутное стекло. Жуёт холодную котлету.

Проходят мимо. Даже не заходят на почту.

После обеда – дед Михай. Ему восемьдесят пять, он глуховат и всё время ворчит. Приходит за пенсией, подаёт паспорт и долго, мучительно расписывается в ведомости. Буквы у него прыгают, как блохи. Анна терпеливо ждёт.

– Держи, – говорит он, протягивая бумажку. – Ты мне мелкими, без тысяч. Мне на хлеб и молоко.

Она отсчитывает мелочь. Дед Михай берёт деньги, пересчитывает три раза, рассыпает половину на пол. С кряхтением нагибается, собирает. Анна хочет помочь, но из-за окошка не вылезти, да и неудобно.

– Чёрт, – бормочет дед Михай. – Руки не слушаются.

Он собирает мелочь, прячет в карман штанов, застёгну-

тый на булавку. Уходит, но в дверях останавливается:

– Анюта, ты мою корову помнишь?

– Помню, дед Михей. Зорька.

– Зорька, – кивает он. – Умная была. Молоко давала, за-
качаешься. А теперь нет коровы. И молока нет. И денег нет.

Он уходит. Анна остаётся одна.

Ближе к вечеру приходит Тамара. Тамара – ровесница,
учились в параллельном классе. Она не работает, сидит с
детьми, но вечно суёт нос во всё. В очереди за пенсией для
свекрови стоит с лицом скучающей королевы.

– Ой, Аня, – говорит она громко, на весь зал. – А я смот-
рю, стул-то под тобой аж прогибается. Тебе не пора в спорт-
зал записаться? У нас в райцентре открыли новый, с бассей-
ном.

Старушки в очереди переглядываются. Кто-то хихикает.

Анна краснеет. Руки, которые пересчитывают пенсию све-
крови Тамары, начинают дрожать.

– Шесть тысяч триста, – говорит она глухо.

Тамара берёт деньги, пересчитывает (нарочно медленно,
чтобы все видели, какая она хозяйственная), прячет в коше-
лёк.

– Ты подумай над моими словами, – говорит она на про-
щание. – А то так и просидишь всю жизнь в этом окошке, ни
мужа, ни детей. Кому ты такая нужна?

Она уходит, цокая каблуками. В зале тихо. Старушки мол-
чат, отводят глаза. Анна смотрит в монитор, видит там толь-

ко своё отражение – расплывчатое, красное, с мокрыми глазами.

Последний посетитель – баба Шура. Самая старая в селе, девяносто два года. Она приходит не за пенсией (пенсию получает внучка), а просто так. Посидеть, поговорить. У неё никого не осталось – все умерли.

– Анята, – шепчет она, присаживаясь на стул. – Дай мне конверт. Просто конверт. Я письмо напишу, хоть некому, а напишу.

Анна даёт конверт. Бесплатно, из своих. Баба Шура долго рассматривает его, гладит пальцами.

– Красивый, – говорит она. – С цветочками. Спасибо, милая.

Она сидит ещё минут двадцать, молча, потом с трудом встаёт и уходит. Дверь за ней закрывается медленно, со скрипом.

Шесть вечера. Анна закрывает ставни, выключает компьютер, пересчитывает кассу. Всё сходится до копейки. Всегда сходится. Деньги не любят ошибок.

Она снимает жилетку, вешает на гвоздь. Выходит, запирает дверь. Почта остаётся стоять в сумерках – зелёная, облупившаяся, с выцветшим платком на окошке.

Домой идти не хочется. Но идти больше некуда.

Она идёт мимо домов, мимо лавочек, мимо палисадников. Где-то играет музыка, где-то смеются дети, где-то пахнет шашлыком. Жизнь. У всех какая-то жизнь.

У калитки бабы Нюры она останавливается. Вспоминает про творожок. Смотрит на дом – там темно. Баба Нюра, наверное, уже спит. Или обиделась и не открывает.

Анна идёт дальше.

Дома темно и тихо. Печка холодная. Она проходит на кухню, садится за стол. В холодильнике пусто. Вчерашний суп, кефир, масло. Ничего не хочется.

Она сидит в темноте и смотрит в окно. Там, за окном, чужой закат. Чужие петухи. Чужая жизнь.

Завтра утром они запоют снова. И надо будет вставать. Идти на почту. Открывать ставни. Садиться на стул, который всё-таки скрипит, если пошевелиться.

Надо будет улыбаться дяде Коле, бабе Рае, деду Михею. Считать чужие деньги. Слушать про чужие болезни. Смотреть, как проходят мимо с колясками.

И так каждый день. И завтра. И послезавтра. И через год.

Анна кладёт голову на стол. Руки холодные. В доме тихо, только муха бьётся о стекло.

За окном темнеет. Она не зажигает свет. Сидит в потёмках, и кажется, что если сидеть вот так, долго-долго, то утро может и не наступить.

Но оно наступит. Оно всегда наступает.

Конец.

Сверкнула лентой.

Она была первым, что он запомнил про этот мир.

Ему пять лет, он сидит на крыльце деревянного дома, в котором снимают угол мать с отцом-алкоголиком. Лето, пыль, пахнет крапивой и нагретым шифером. Она идёт по улице с бантиками. Белые бантики, платье в горошек, сандалии скрипят на ходу. Ровесница. Но какая-то не отсюда. Чистая. Светлая. Как будто в пыльном посёлке включили лампочку.

Он смотрит ей вслед, пока она не скрывается за поворотом. Потом ещё долго смотрит туда, где только что была белая лента.

С этого дня он начал её замечать.

Школа. Одна параллель, но разные классы. Она всегда в первой линейке, всегда с цветами, всегда улыбается не ему. Он где-то сзади, в дешёвых штанах, с вечно грязными ногами (воды горячей в их доме нет). Он смотрит, как она поправляет волосы на перемене. Как смеётся подружкам. Как несёт портфель, прижимая к груди.

Он ни разу не подошёл. Слов не было. Да и что он мог ей сказать? «Ты красивая»? Она это и так знала. От него бы это прозвучало как насмешка.

Восьмой класс. У неё появляется парень – старшекласс-

ник, на мотоцикле. Он видит, как она садится позади него, обнимает за талию, смеётся. Ветер развеивает её волосы. Ленты уже нет, но ему всё равно кажется, что она сверкает.

Он стоит за углом школы и смотрит. Потом идёт домой, в свою пустоту.

Он уехал после девятого. Техникум в райцентре, потом армия, потом вернулся в посёлок – не потому, что хотел, а потому, что больше некуда. Мать спилась и умерла, отец пропал. Осталась бабкина халупа, разваливающаяся, но своя.

Он устроился в контору. "Быстрые займы", "До зарплаты", "Золотой процент". Сидит в закутке, выдаёт деньги тем, кому совсем невмоготу. Алкашам, одиноким матерям, старикам, которым не хватило до пенсии. Смотрит на их усталые лица и озвучивает проценты, которые одобряет начальство.

А её он видит редко, но видит. Посёлок маленький.

Вот она идёт с коляской. Уставшая, без косметики, в растянутом спортивном костюме. Он стоит у магазина, курит. Она проходит мимо, смотрит сквозь. Не узнаёт. Да и откуда? Они никогда не разговаривали.

Муж у неё, тот самый, с мотоциклом. Теперь на машине, подержанной, но чистой. Он видит, как они ссорятся у крыльца. Она плачет, он хлопает дверью и уезжает. Она стоит, вытирает слёзы рукой, потом заходит в дом.

Он докуривает и идёт на работу.

Потом она развелась. Муж уехал в город, оставил ей квартиру и алименты, которые приходят раз в полгода. Она работает продавщицей в "Пятёрочке". Он заходит иногда за хлебом, видит её за кассой. Она постарела. Лет на десять старше своих лет. Волосы собраны в хвост, под глазами синие тени, руки в мелких порезах от картонных коробок.

Она пробивает ему хлеб и сметану, говорит «с вас сто тридцать два» не поднимая глаз. Он протягивает деньги, их пальцы не соприкасаются. Она уже не сверкает.

Но для него – всё ещё. Где-то глубоко внутри, там, где живёт тот пятилетний мальчик на крыльце.

Он знает про неё всё. Что дочь у неё растёт, похожа на неё в детстве – такие же бантики, такое же светлое лицо. Что она одна тянет, что бывший муж женился в городе и забыл сюда дорогу. Что у неё никого нет.

Он мог бы подойти. Сказать: «Помнишь, мы учились в одной школе?» Но что дальше? «Я смотрел на тебя тридцать лет»? Это смешно. Это жалко.

Он не подходит. Просто смотрит. Привычка за тридцать лет.

Осень. Дождь. В контору заходит женщина.

Она стряхивает воду с зонта, оглядывается, садится на стул напротив его окошка. Мокрая, уставшая, с потёкшей тушью. Пальцы дрожат, теребят край платка.

– Мне нужно пять тысяч, – говорит она. – До зарплаты.

Он смотрит на неё.

И видит.

Конечно, это она. Те же глаза, только потухшие. Те же скулы, только кожа обвисла. Те же волосы, только с проседью и без блеска.

Она смотрит на него и не узнаёт. Смотрит как на чужого, как на функцию. Как на того, кто выдаёт деньги под бешеные проценты.

– Паспорт, – говорит он.

Она протягивает. Он смотрит в паспорт, хотя мог бы не смотреть. Фотография свежее, лет пять назад. Там она ещё держится. Там ещё видно ту девочку с бантиками.

Он заполняет бумаги. Руки не дрожат. Тридцать лет научили держать лицо.

– Подпись здесь и здесь. Пять тысяч, на две недели, ставку видите. Просрочка – пеня.

Она кивает, подписывает, почти не читая. Ей всё равно. Ей просто нужно дожить до зарплаты.

Он отсчитывает деньги. Пять купюр, мятых, грязных. Протягивает в окошко.

– Спасибо, – говорит она и прячет деньги в карман куртки.

Куртка старая, с потёртым воротником.

Она встаёт, поправляет платок, идёт к выходу. У двери останавливается, смотрит на улицу сквозь мокрое стекло. Дождь усиливается.

– Сдачи нет, – говорит она непонятно кому. – Совсем сдачи нет.

И выходит под дождь.

Он остаётся один. В конторе тихо, только капает с зонта, который она оставила у входа. Забыла.

Он смотрит на этот зонт. Дешёвый, чёрный, со сломанной спицей.

Потом переводит взгляд на монитор. Там её данные. Имя. Фамилия. Адрес. Он всё это знал и без монитора.

Он мог бы сейчас выйти, догнать, отдать зонт. Сказать хоть что-нибудь. Например: «Я тебя помню. Ты носила белые бантики. Ты была первым светом в моей жизни».

Но он сидит.

Смотрит в монитор.

Слышит, как дождь стучит по крыше.

До закрытия ещё три часа. Потом домой. Потом завтра. Потом сюда же, в эту контору, в это окошко.

Она придёт через две недели отдавать проценты. Потом ещё возьмёт. Они все берут снова.

Он будет смотреть на неё через стекло. Она так его и не узнает.

На столе остаётся лежать забытый зонт. Чёрный, сломан-

ный, мокрый.

Он не выбрасывает его. Оставляет на подоконнике. Мало ли, вернётся.

Хотя знает – не вернётся за зонтом. Придёт за деньгами. Всегда приходят за деньгами.

За окном темнеет. Дождь не кончается.

Он сидит и смотрит в одну точку. Перед глазами – белая лента в пыльном воздухе, тридцать лет назад, и девочка, которая сверкнула и погасла.

Конец.

Паромщик.

Утром позвонили с того берега.

– Дядя Паша, ты как? Живой?

– А куда я денусь.

– Паром твой работает?

– А куда он денется.

Разговор короткий. Мужик на том конце положил трубку, и Павел Егорыч остался сидеть на крыльце с кружкой остывшего чая. Река шумела внизу, под обрывом, тяжёлая, серая, в мелкой ряби. В этом месте её не переплывёшь – широкая, быстрая, с водоворотами. Только на пароме. На его пароме.

Паром у него старый, ещё от отца достался. Плоскодонка на тросе, трос через реку перекинут, ручная лебёдка. За день перевезёшь десяток машин, если повезёт. А если не повезёт – ни одной. Люди теперь в объезд ездят, через плотину, там мост построили. А здесь остались только те, кому не к спеху, или те, кому короткой дорогой надо на тот берег.

Павел Егорыч допил чай, сполоснул кружку водой из ведра и пошёл вниз, к воде. Спуск крутой, тропинка петляет между коряг и валунов, ноги за сорок лет привыкли, ставят куда надо. Внизу пахнет тиной, мокрым деревом и бензином.

Паром покачивается у берега, поскрипывает.

Он проверил трос, долил масла в лебёдку, закурил, глядя на реку. Туман ещё не сошёл, другой берег еле видно. Там, в тумане, лес чёрный, а над лесом трубы целлюлозно-бумажного комбината. Комбинат этот он помнит с детства. Когда строили, отец туда ходил бетон месить. А теперь комбинат стоит, воду травит, а людей почти не осталось. Разъехались. Кому охота дышать этой химией.

Первый клиент появился к десяти. «Нива» старая, ржавая, с прицепом, в прицепе лодка. Мужик вылез, молодой ещё, но уже битый жизнью: щетина, глаза красные, руки в цыпках.

– Перевезёшь?

– Садись.

Мужик загнал машину на паром, встал у борта, смотрит на воду.

– Рыбалить? – спросил Павел Егорыч, крутя лебёдку.

– Ага. – Мужик помолчал. – На том берегу у меня изба. Отец оставил. Хочу починить, может, летом жить.

– Хорошее дело.

– Да какое хорошее. Отец спился там, один и сдох. Я его

нашёл через месяц. Сидел в кресле, уже чёрный весь.

Павел Егорыч не ответил. Крутил лебёдку, смотрел, как трос уходит в воду. Такие разговоры он слышал каждый день. Каждый второй, кто ехал на тот берег, вёз с собой мертвеца. Не в прямом смысле, в душевном. Тот берег был для них местом, где всё пошло не так. Или, где кончилось. Или, где ещё не началось и уже не начнётся.

На том берегу мужик выгрузился, дал пятьсот рублей (Павел Егорыч цену не называет, кто сколько даст), сел в «Ниву» и уехал в сторону леса, туда, где изба с мертвецом в кресле.

А Павел Егорыч погнал паром обратно. Один. В тумане.

Днём пришла бабка. Её он знал – тётя Нюра из Заречья, царство небесное, жива ещё. Восемьдесят семь лет, клюка, платок, авоська с банками.

– Паша, милый, перевези.

– Садись, тёть Нюр. Куда собралась?

– В город. К дочке. У неё там беда, зятя парализовало, помогать надо.

– А сама-то как?

– А что я. Я ещё ого-го. – Она показала жёлтый зуб в улыбке. – Меня бог бережёт. Ты мою мать помнишь? В девяносто

два умерла, до последнего грядки полола.

– Помню.

– Вот и я так же. А эти... – она махнула рукой в сторону города, – они слабые. Им помогать надо.

На том берегу он помог ей сойти, донёс банки до остановки. Автобус там ходит раз в день, в три часа. Она села на лавочку, поставила авоську между ног, замерла, как старая птица, и смотрит на дорогу.

– Ты езжай, Паша, – сказала. – Я тут посижу. Дождусь.

Он вернулся на паром. И всё думал: дождётся ли? Автобус придёт, довезёт до города. А там дочка, зять парализованный, чужая жизнь, в которой она никому не нужна со своей помощью, потому что помогать по-своему – только мешать. Но она поедет. Потому что так надо. Потому что мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.